

Это большое искусство возвращаться и возвращаться к раз написанному, дописывать новые главы, уточнять ритм, искать самые выразительные образы и метафоры и оставаться верным самому себе и семье, которая вырастила тебя, сделала мудрым и многознающим, наделила тебя печалью и остроумием, иронией.

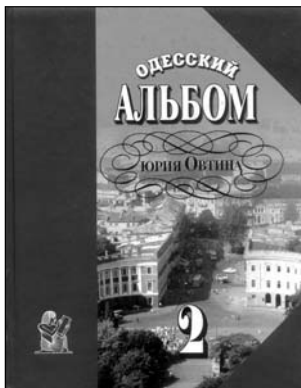
"Семейный архив" — это не книга документов, не книга эссе, это поэзия, чистая поэзия, выросшая на нашей почве из Книги книг — Библии. Можно ли продолжать Библию? Нет, нет и нет. Но мыслить библейскими образами, погрузиться самому и погрузить своего читателя в ритмическое течение псалмов, которые были переведены автором, и их поэтика стала близка Борису Херсонскому — это подлинное искусство.

Юрий Овтин
Одесский альбом
"Папирус", "Астропринт", 2003 год

Юрий Овтин собирал все, что было написано о нем, о его книгах. Когда-то в XIX веке альбомы для дружеских посвящений заводи-ли барышни. Юру Овтина в том, что он барышня, не заподозишь. Но альбом посвящений он создает уже второй. В этом собраны записи о Николае Степанове, Адольфе Лозе, Сергее Гриневецком, перемежающиеся с их собственными словами об авторе — веселыми, подчас ироничными, но всегда доброжелательными. А если вспомнить, что постоянный оформитель книг Ю. Овтина, мэролюб и художник-колоба — график Владимир Миненко, то можно представить, что альбомная традиция сохраняется, и каждая книжка становится произведением если не поэзии, если не прозы, то одесского жанра, которому еще нет названия.

Такие три "архивные новинки" появились на книжных полках в самом конце 2003 года.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Это сладкое слово — "Либерти"

Юбилеи имеют обыкновение подкрадываться незаметно — как для окружающих, так и для самих именинников. Вот так, вроде бы ожидаемо, а на самом деле совершенно вдруг, удивила нас своим юбилеем — десятилетним! — галерея "Либерти" Анны Евгеньевны Голубовской, которую большинство знакомых (и не очень знакомых) предпочитает величать просто Анечкой. Десять лет — это не только накопление опыта, обретение "лица необщего выражения", создание круга "своих" коллекционеров, клиентов, почитателей и друзей. Десять лет существования художественной галереи в наших, мягко скажем, непростых условиях — это еще и экзамен на выживаемость.

Как все начиналось? В случае с Аней Голубовской — очень естественно. А сейчас, по прошествии лет, кажется, что иначе быть не могло. Прежде всего — родители. Мама, Валентина Степановна, талантливый, интеллигентный и очень скромный человек, искусствовед по профессии, много лет преподавала в Театрально-художественном училище. Папу, Евгения Михайловича, известного журналиста, вице-председателя Всемирного клуба одесситов, коллекционера, тонкого знатока живописи и поэзии, а в последние годы еще и издателя раритетных книжек, в Одессе представлять никому не нужно. В такой семье не мог вырасти ребенок, равнодушный к искусству. Образование тоже не случайное: художественная школа, кукольное отделение Театрального училища, архитектурный факультет ОИСИ. Аня, с ее профессиональными знаниями и широкой эрудицией, обостренной деликатностью, тихим неотразимым обаянием, замечательным чувством юмора, — дочь, которой по праву могут гордиться — и гордятся! — даже такие неординарные родители.

В начале девяностых, когда на фоне привычного "музейного" пейзажа стали возникать странные, не очень по началу понятные для публики новообразования — художественные галереи, — во Всемирном клубе одес-

ситов открылся маленький арт-салон с гордым именем "Улисс". Для Ани Голубовской это была первая проба сил в качестве галериста. Не случайно в первой экспозиции были показаны "шестидесятники" — Иосиф Островский, Лев Межберг, Александр Ануфриев, Валентин Хрущ, Олег Соколов — художники, чьи работы Аня помнила и ценила с детства. Для нее это были не только замечательные живописцы, но в большинстве своем люди, которых она хорошо знала, с которыми многие годы дружили ее родители.

Следующая ступенька — галерея на втором этаже Дома книги, что на Дерибасовской. Помню, как часто мы забегали туда — то посмотреть новую экспозицию, то просто узнать, как дела. Аня продолжала выставлять живопись и графику одесситов (и теперешних, и бывших), но появились и со вкусом отобранные сувениры, поделки, мелочи, которые с удовольствием приобретали заезжие гости и одесситы. Кстати, по такому принципу работают многие западные галереи.

Наконец, "Либерти" в ее сегодняшнем виде: небольшой симпатичный подвальчик на Ланжероновской, по соседству с выставочным залом Историко-краеведческого музея. Спускаешься вниз по ступенькам — и попадаешь с шумной суматошной улицы в другой мир. Здесь галерея, конечно, тесновато, но уютно. Хотя, опять же, уют — понятие относительное, зависит не только и не столько от стен, сколько от хозяев. А как выяснилось, создание уюта, доброжелательной, дружественной атмосферы — еще один талант Ани Голубовской.

Можно долго перечислять выставки, виденные в "Либерти". Кстати, вновь говорящее имя. Помните? "Это сладкое слово свобода"... Тут свобода декларируется как основной принцип — свобода искусства, свобода самовыражения, свобода и соревнование творческих идей — самых разнообразных и неожиданных. И тогда в один ряд естественно становятся самые разные проекты: живопись и графика Адольфа Лозы, Игоря Марковско-го, Светланы Юсим, Александра Ройтбурда, Татьяны Гончаренко, Александра Ануфриева, Ларисы Нестеренко, Валентина Хруща, керамика Нины Федоровой, коллажи Аллы Жмайло, выставки мастеров украинского модерна, "Портрет жены художника", а еще — "Что можно собрать на одесских улицах", "Чем писал Пушкин", "Со-бутылники", "Мой советский народ", "Тайны дамской сумочки", "Графиня и графины" и прочее...

Галерея — не просто выставочный зал, где можно увидеть и при желании приобрести картину, рисунок или иной, как теперь любят выражаться, предмет искусства. Это своеобразный клуб единомышленников и просто симпатичных друг другу людей, куда приходят не только по делу, но просто повидаться, побеседовать. Глядишь, в отвлеченном, вроде бы, разговоре (а на деле — отнюдь не отвлеченном, ибо здесь любой разговор

в конечном итоге все равно возвращается к теме искусства и коллекционирования) у того же Олега Губаря или Сергея Зеноновича Лущика, или еще у какого-нибудь близкого галерею и его хозяйке человека рождается идея новой необычной выставки. Чем больше друзей, тем интереснее живет "Либерти", тем лучше себя чувствует Аня Голубовская и ее верные помощники, тем охотнее приходят к ним новые люди. Не зря, помимо помощи опытным собирателям, одной из своих главных задач Аня считает воспитание нового поколения коллекционеров.

Давно сложился и "свой" круг художников, хотя его никак не назовешь замкнутым. Появляются новые имена, на каждой выставке могут встретиться приятные сюрпризы. Даже тогда, когда не предвидишь особых открытий, когда все участники экспозиции вроде бы хорошо знакомы, вдруг получаешь неожиданный подарок — радость от встречи с какими-то не виденными до тех пор работами, от того, как они сплетают свои непохожие голоса в общее многоголосие, в цельную гармоничную мелодию. Такое ощущение у меня осталось, например, после выставки "Портрет жены художника".

Аня не скрывает, что особенно близки ей мастера, принадлежащие к поколению авангарда 60-70-х годов. Поэтому логично, что свой праздник "Либерти" отметила экспозицией работ Валентина Хруща (осуществить эту идею помог коллекционер Евгений Лукашов). Напомню, картины Хруща были и на самой первой выставке, показанной начинающим галеристом Голубовской еще в "Улиссе".

А еще в юбилейный день состоялась презентация сборника "Либерти. Нам 10 лет", издательство "ВМВ". Я видела, сколько сил и любви вложила Аня в эту книжку. Элегантная обложка с репродукцией работы Олега Соколова, корректный макет, интереснейшие фотографии (хотелось только, чтобы воспроизведение их было чуть лучшего качества). Маленькие предисловия Феликса Кохрихта и Олега Губаря, изящные, остроумные, любовные. Вступительная статья составителя — ее кредо галериста. Главное же в книге — подборка публикаций, отзывов на выставки, сделанные за эти годы, которая дает возможность другими глазами посмотреть на галерею, оценить, что за плечами у ее сотрудников, оказывается, уже достаточно большой и разнообразный опыт.

У Ани Голубовской масса проектов, желание работать интересно и получать от этого удовольствие. Юбилей — просто возможность приостановиться и оценить пройденный путь. Остается пожелать: счастливого свободного полета тебе, "Либерти"!

Ольга БАРКОВСКАЯ

"...Нынче. Завтра — неизвестно!"

Все, собственно говоря, уже написано. Чего еще напишешь? Разве что, автопортрет. А — какой? Красивый или похожий? В нежном или в жестком возрасте? Рубен Ашрафиан и Алексей Окунь написали двойной автопортрет в интерьере совместной юности. Получился смачный такой артефакт — книжка "Вино, любовь и революция" ладно скроенного и крепко сшитого гибрида (как нынче говорят, андроида) Алексея Ашрафиана (в дальнейшем — АА).

Оный автор — типологический юный одесский романтик образца эпохи продвинутого застоя, конца 1970-х — начала 1980-х. Со всеми вытекающими отсюда (прежде всего, из бутылочного горлышка) пристрастиями и последствиями. АА интеллигентен, вдумчив, начитан, искренен, в меру пошловат, сердечно привязан к друзьям и подругам, однако внешне невозмутим, ироничен (самозабвенно играет в Печорина). Что до недюжинной эротической энергии, то вся она используется преимущественно в мирных целях, включая вкусное стихосложение, плотоядные стилизации, локальные карнавалы, застольные братские переключки и др. АА категорически аполитичен, как и положено хрестоматийному обывателю времен брежневского перманентно развитого социализма.

"Сидели, балагурили,
Играли в домино,
Швыряли недокуренные
Мысли за окно".

Впрочем, какой же наш АА асоциальный тип, ежели нет-нет, да и споткнется о некоего корявого неухоженного прощельгу — продукта жизнедеятельности благоденствующего "общества равных возможностей".

"Вы замечали, мимо дома
Ходит человек сутулый.
Пьет вино у гастронома
Без стеснения из дула.

Это Вася. "Вася, здравствуй!"
Отвечает Вася: "Здрасьте".
С Васей Нина развелася.
У него теперь несчастье.

Нет почти у Васи денег,
Только дыры на коленях.
Из друзей всего у Васи
Разве кот пятнистой масти.

Обижают Васю власти,
Нет на власти те напасти.
И у Васи было счастье,
Да разбилось на части..."

Нет уж, говорите, что хотите, а очень трогательный кадр этот АА, "оченно переживательный". Какая-то горечь во всех его самых как бы иронических и абсентистских строчках, какая-то болезненность, пусть даже несколько вялая и монотонная, наподобие хронического алкоголизма. Хотя на каждом перекрестке он то и дело декларирует разудало разухабистое молодечество, а то и не закамуфлированный цинизм.

"Когда моя страна не знает, как ей быть,
Когда на нас в поход пошли американцы,
Мы просим всех налить. Мы начинаем пить.
А через два часа мы всем объявим танцы".

Иной раз в ерничающем по поводу и без оного молодчике просыпается чуть ли не подлинный диссидент:

"Я устал от ваших грез.
Я устал от ваших фраз.
От того, что все всерьез.
От того, что все сейчас.

Я хотел бы поселиться
В стороне от ваших партий,
В государстве без столицы,
Не отмеченном на карте".

Но тотчас же и задремывает, засыпает сном праведника, чтобы все-таки привычно грезить в том же ироническом ключе с многочисленными дулями в многочисленных карманах:

"Я тоже советский, такой же, как вы,
Товарищи в первых рядах при оружье.
И Леня соседский — он тоже советский,
Хотя не поднимет от карт головы,
Хотя он и хуже расхожей молвы,
Хотя никому и задаром не нужен,
Он тоже советский, такой же как вы,
Товарищи в первых рядах при оружье..."

Это, кстати, рифмовалось четверть века тому, а, стало быть, наши соавторы понятия не имели о (пост-) советских ретроспективных культурологических экспериментах какого-нибудь Тимура Кибирова. И все же на поверку сделали то же и ничуть не хуже. Просто не раскрученный этот наш АА и живет в провинции. У моря.

"Милая, купи лимон,
Сделай мужу кисленько.
Уж возрадуется он,
С обожаньем висельника.